

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44
К89

Spencer Quinn
PAWS VS CLAWS

Copyright © 2019 by Pas de Deux Corp
This edition is published by arrangement with The Friedrich
Agency and The Van Lear Agency

Куинн, Спенсер.

К89 Секрет старой фермы / Спенсер Куинн ; [перевод с английского М. А. Касьяненко]. — Москва : Эксмо, 2020. — 352 с. — (Хвостатые против пушистых. Расследование ведут кошка и собака).

ISBN 978-5-04-105388-8

Кошка и собака вместе ведут расследование!

Пёс Артур и кошка Принцесса живут в уютной гостиной с любящими хозяевами, братом и сестрой двойняшками Бро и Хармони Редди. Ребята ходят в школу, занимаются хоккеем и бесконечно спорят с мамой. Бро и Хармони подружились с ровесником по имени Джимми Дун. Он живёт на соседней ферме и помогает отцу по хозяйству. Как вдруг однажды с утра пропадает их корова, Сладкая Леди Эм, а на отца Джимми напали. Мистер Дун в больнице, и Джимми не знает, что делать. Тогда на помощь ему приходят Бро и Хармони. А с ними кошка Принцесса и пёс Артур, давние враги. Ради хозяев они готовы вновь взяться за дело и вычислить злоумышленника!

УДК 821.111-93(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Касьяненко М.,
перевод на русский язык, 2020
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-105388-8

Я ПОСВЯЩАЮ ЭТУ КНИГУ
ПЯТЕРЫМ МОИМ ЮНЫМ ЧИТАТЕЛЯМ —
ВИВИАН, ТОРИ, ГАБИ, НОРЕ
И ДЖОРДЖУ

ПРИНЦЕССА

— Плохие новости, киса, — сказала Берта. — Сегодня сливок не будет.

Сливок не будет? Я не ослышалась? Это, конечно, риторический вопрос. Разумеется, я прекрасно слышу. Собственно, всё, что касается меня, — всё прекрасно. Выгляжу я, к примеру, великолепно. Я воплощённая красота: от кончика носа, похожего на блестящую бусину, и до самого хвоста — пушистого и белоснежного. А мои глаза! Я скажу, не скромничая — стоит вам только посмотреть в них, и вы уже не сможете отвести взгляд. Со мной это случается довольно часто — по сути, каждый раз, как я смотрюсь в зеркало.

В кухне у нас тут, в гостинице Блэкберри Хилл, зеркал нет. Мне больше нравятся комнаты с зеркалами, но для кухни я делаю исключение. Каждое утро, проснувшись, я совершаю

небольшую прогулку, шествуя в высшей степени элегантно — совсем не так, как ещё один здешний обитатель, с которым вам, должно быть, ещё предстоит познакомиться — тут уж ничего не поделаешь. Так вот, я соскальзываю с верха дедушкиных часов в прихожей и иду сюда. Наша кухарка Берта в этот момент уже наливает свежие сливки в прекрасное китайское блюдечко с золотой каёмочкой. Это блюдо все так и называют — Принцессино блюдечко. Принцесса — это я, если вы вдруг не поняли. Вы за мной поспеваете? Впрочем, не надейтесь, что я стану под вас подстраиваться.

Я застыла в дверях, ожидая... Чего, собственно, я ждала? Объяснений? Того, что Берта опомнится? Нет! Я ждала своих сливок. Точка. Что в этом сложного? Я, Принцесса, по утрам пью свежие сливки, подаваемые на специальном блюде. Ясно как день.

Берта смотрела на меня. Я смотрела на Берту. Берта — крупная, крепкая женщина с крупным лицом, довольно симпатичная. Она вполне сносный представитель человеческого рода, и мы с ней неплохо ладили до сегодняшнего дня.

— Что такое с тобой? — спросила она.

Я не шелохнулась. Разве что пара усиков подрагивала на лёгком ветерке, дующем из прихожей. Усы у меня очаровательные — своего рода завершающий штрих ко всему облику. Кроме

того, они очень чувствительны. Я бы, пожалуй, не стала упоминать, что они поддрагивали, но... зеркала нет. Настроение у меня — столь благодушное в момент пробуждения — быстро портилось.

— Не сердись, — сказала Берта. — Я не виновата.

И что? Какое это имеет значение? Разве я ищу виноватых или допытываюсь о причинах? Или, может...

В этот момент в кухню из двери, ведущей в жилые помещения, вошла мама.

— Доброе утро, Берта, — поздоровалась она, оглядываясь. — Ты с кем-то разговаривала?

Кухарка кивнула в мою сторону. Не стану спорить — у некоторых людей есть милые движения, и вот этот кивок подбородком — одно из моих любимых.

Мама рассмеялась:

— Я тоже так постоянно делаю.

Я не поняла, в чём соль. Ну да — мама со мной разговаривает. Что в этом смешного? Мы с ней подруги. Она рассказывает мне много такого, чего никому больше не стала бы. Вот почему я знаю, что Блэкберри Хилл — это принадлежащая нам гостиница. Когда я говорю «нам», я имею в виду себя, маму и двойняшек Хармони и Бро, у которых сейчас что-то вроде каникул, и, наверное, ещё одно существо, которое я уже

упоминала, хотя уж оно-то этого точно не заслужило, потому что только и делает, что нас объедает и... Так на чём я остановилась? Ах да: гостиница. Дела идут плохо — мне мама недавно вечером так сказала, когда мы сидели у камина в небольшом кабинете. Деньги, которые должны поступить на наш счёт, всё ещё заблокированы судом, и с каждым днём всё только сильнее запутывается.

— Нам нужны постояльцы, Принцессочка. Много постояльцев. Ну ты сама понимаешь...

Да, понимаю. Сейчас конец зимы. Снег тает, превращаясь в слякоть и грязь. В кухонное окно мне видно то, что осталось от большого белого снеговика, которого слепили Хармони и Бро. Сейчас он осел и скосбочился, а его бок весь расписан жёлтыми зигзагообразными линиями — следами гигиенических повадок одного типа. Сама я довольно редко выхожу из дома, а уж в слякоть — тем более. Позволить грязи облепить мою шубку? Что может быть ужаснее?!

Пошёл дождь. Он забарабанил по крыше, по стеклу потекли струйки воды.

— Думаю, Принцесса на меня сердится, — пояснила Берта. — Сегодня нет сливок.

— Как так? — удивилась мама.

— Понятия не имею. Когда я ухожу днём, я выставляю пустые бутылки на заднее крыльцо,

а Уолтер всегда меняет их на полные ещё до моего появления здесь утром: два галлона парного молока и пинту сливок.

— А кто такой Уолтер?

— Это наёмный работник мистера Дуна. Ну, скорее, наёмный ребёнок: ему всего-то лет семнадцать-восемнадцать на вид.

Мама открыла заднюю дверь. На крыльце стояли две большие и одна маленькая стеклянные бутылки. Они были пусты. И что теперь? Если мы куда-то и продвинулись, то это совсем не заметно. Мама закрыла дверь.

— Может, у коров выходной, — проговорила она.

Берта засмеялась. Видимо, это опять была шутка такая. Мама тоже рассмеялась. Иногда она смеётся над собственными шутками. Мама, когда смеётся, очень красивая. Да, собственно, она вообще очень красивая. У неё изумительные глаза — большие, тёмные и задумчивые. Разумеется, до моих им далеко — надеюсь, вы понимаете. Я рада вам, но не ждите, что я буду всё разжёвывать.

— Вообще-то у него всего одна корова, — сказала Берта. — И выходных у неё не бывает.

— У мистера Дуна всего одна корова?

— Зато она Эмсворт.

— Эмсворт? — переспросила мама. — Это такая порода? Никогда не слышала.

Кухарка покачала головой.

— Нет, не порода. Она пра-пра-пра-пра... не знаю, сколько «пра» нужно там вставить... одна из праправнучек Леди Эмсворт, самой знаменитой коровы, когда-либо жившей в наших Зелёных горах. Её зовут Сладкая Леди Эм — такое уж у неё молоко сладкое.

Покосившись на меня, Берта добавила:

— ...и сливки.

Да, мои сливки. Спасибо за напоминание. Где мои сливки? Что с ними сделала эта Сладкая Леди Эм? У меня очень небольшой опыт общения с коровами. Честно говоря, я с ними всего один раз контактировала, и это нельзя назвать приятным общением.

Случилось это в те времена, когда я бывала на улице чаще, чем теперь. Они закончились после нашего визита к одной старушке из организации со странным названием типа «Общество защиты птиц». Защищать птиц? На мой взгляд, это бессмыслица. Птицы и сами прекрасно себя защищают — например, стремительно вспархивая и взмывая в небо. Нужно быть ещё быстрее, чтобы поймать кого-то из них. И я с гордостью могу заявить, что мне не раз удавалось...

Но вернёмся к тому случаю с коровой. Я выслеживала мышь, обнюхивая её след, шедший через крошечную дыру в стене хлева невдалеке от речки Блэкберри Крик, которую я никогда не пересекала. Речки отвратительно мокрые. Ма-

ленькие отверстия для меня не проблема. Я буквально просочилась внутрь хлева, где впервые увидела саму мышку — мою толстенную маленькую подружку, копошившуюся в соломе на полу. Судя по всему, мы оказались в стойле, где, кроме нас, была ещё рыжая корова, занятая пережёвыванием чего-то вонючего. Она всё жевала, жевала и не проглатывала. Но это не моя проблема. У меня проблем не было. Жирная мышка — задача несложная. Не обязательно даже быть лучшим в мире охотником. Хотя я-то как раз лучшая.

Я сделала бросок. Какое же это наслаждение! Выражение ужаса на мышиной мордочке не сопровождается ни единым писком, и в то же время она сохраняет абсолютное благодушие — одна из нас толкает другую от лапы к лапе, а другая шныряет между ними. Никакого членовредительства, никакой боли. Ни намёка на то, чем всё закончится — и это делает игру ещё занимательней! Мы с подружкой-мышью так увлеклись, что не следили за коровой, а она тем временем, видимо, сменила положение, потому что внезапно я ощутила, что мой хвост жутко отяжелел. Я попыталась вырваться, но безуспешно. Это был кошмар. Мышь тем временем быстро взглянула на меня, затем бросилась в сторону и скрылась из вида так, будто кто-то позволил ей самой решать, когда нам пора закончить эту игру. От такого с ума можно сойти!

И ещё больше сводило с ума тяжёлое копыто. Я развернулась и решительно впилась в него зубами. Кстати, мне, наверное, давно нужно было предупредить: зубы у меня острые, как иголки. Корова слегка наклонила голову и посмотрела на меня, продолжая жевать так же отвратительно. Ничто не свидетельствовало, например, о боли, причинённой моими острыми зубами.

Я попробовала зашипеть. Шиплю я громко и резко — так, что сама иногда пугаюсь. Но она продолжала жевать как ни в чём не бывало. Жвачка? Это же так называется? Думаю, да. Следующий момент был самым гадким: корова сплюнула эту жвачку прямо на меня! На мою нежную блестящую шёрстку! Я понимаю, каким сочувствием ко мне вы сейчас преисполнились, и ценю это. Уверена: вам никогда не доводилось слышать ничего более жуткого.

Но вернёмся ко мне. Не знаю почему, но корова медленно подняла голову и перешла на другую сторону стойла. Я опрометью выскочила из хлева и умчалась назад в гостиницу, где взмыла на дедушкины часы и просидела там до тех пор, пока отвратительный запах не выветрился полностью. Это, если я ничего не путаю, заняло несколько дней.

И вот — снова коровы, и снова неприятности. Где мои сливки? Я требую сливки! Слив-ки! Слив-ки!

— У неё что, шерсть дыбом встала? — спросила мама.

— Похоже на то, — кивнула Берта.

— Интересно, что это с ней?

— Что-что? Сливков своих она хочет, что ещё.

— Думаешь?

— Даже не сомневайтесь.

Мама посмотрела на меня:

— До чего же забавное ты существо, а!

— Можно и так сказать, — хмыкнула Берта.

— Да ладно вам! Я же знаю, как вы её любите.

— Хмм, — промычала кухарка. Это она так подтвердила, что любит меня — если вдруг вам не ясно. Мама никогда не ошибается, когда дело касается чего-то важного.

Мама открыла дверь в нашу часть дома и крикнула, подняв голову к лестнице:

— Бро? Ты проснулся?

— Нет.

— Сходи, пожалуйста, к Дунам. Узнай, когда они принесут молоко.

— И сливки, — добавила Берта.

Конечно, она меня любит. Очень сильно любит. Это так мило с её стороны, хоть и не удивительно.

— А почему не Хармони? — крикнул Бро.

Бро и Хармони — двойняшки, не близнецы. Я так много раз слышала, как это объясня-